

С. КЬЕРКЕГОР КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ В ФИЛОСОФИИ Л. ШЕСТОВА

В. В. ЛАШОВ¹
Н. Б. ТЕТЕНКОВ²

*¹ Московский
государственный
университет*

e-mail: l_vv@me.com

*² Поморский
государственный
университет
имени М.В. Ломоносова*

*e-mail:
tenibo@yandex.ru*

В статье даётся определение концептуального персонажа, рассматриваются его основные особенности. Авторы статьи утверждают, что С. Кьеркегор использовал в своих работах концептуальных персонажей, и эту особенность его философии воспринял Л. Шестов, который и из С. Кьеркегора создал концептуального персонажа.

Ключевые слова: Кьеркегор, Шестов, Делёз, концепт, концептуальный персонаж, вера, разум

Прежде чем обратиться к теме, заявленной в статье, мы рассмотрим понятие «концептуальный персонаж». Это понятие было введено в научный оборот Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в книге «Что такое философия?», в которой они определяют философию не как созерцание, не как рефлексию, не как коммуникацию, а как дисциплину, заключающуюся в творчестве концептов. Философ конструирует концепты, которые, с одной стороны, несут на себе печать их создателя, а с другой стороны, получают автономное существование в концептуальных персонажах. Ж. Делёз и Ф. Гваттари не дают чёткого определения, что такое концептуальный персонаж, сосредоточив своё внимание на особенностях, присущих концептуальному персонажу.

По Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, к особенностям концептуального персонажа относится то, что концептуальный персонаж не представляет философа, не является его *alter ego*, наоборот, «философ предоставляет лишь телесную оболочку персонажей для своего главного концептуального персонажа и всех остальных, которые служат высшими ступенями, истинными субъектами его философии»¹. Концептуальные персонажи становятся «гетеронимами» философа, а имя самого философа – псевдонимом для его персонажей: «Философ – это идиосинкразия его концептуальных персонажей»².

Таким образом, концептуальный персонаж полностью независим, автономен по отношению к философу, говорит и действует от имени собственного «Я». Сам философ обезличивается до местоимения «он», становится летописцем, фиксирующим действия персонажей, никак их не комментируя, или действует в качестве одного из персонажей, но в этом случае он равноправен по отношению к другим концептуальным персонажам. Иными словами, философ отказывается от положения абсолютного, объективного наблюдателя, вещающего с точки зрения вечности, а сам становится участником событий, заведомо признавая субъективность собственных суждений.

Другой особенностью концептуальных персонажей является отсутствие деления на симпатических, выражающих авторскую точку зрения, и антипатичных персонажей, чьи взгляды подвергаются критике и считаются ошибочными. Данная особенность вытекает из равноправия персонажей: они могут демонстрировать как позитивное, так и негативное движение мысли, но и то, и другое движение являются необходимым условием развития мысли, и ни одному из них нельзя отдать приоритет. Негативное движение

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетейя, 1988. – С.83.

² Там же.

мысли приводит к тому, что концептуальный персонаж может приобрести антипатичного двойника, который будет слит с симпатичным персонажем: это Заратустра с шутлом-пересмешником, Дионис с Христом, Сократа же невозможно представить себе без софиста. Антипатичные персонажи «всецело принадлежат начертанному философом плану и сотворённым им концептам; они обозначают собой свойственные этому плану опасности, неверные восприятия, дурные чувства или даже отрицательные движения, и они сами одушевляют особые концепты, которые являются конструктивной принадлежностью данной философии как раз в силу своей репульсивности»³.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари указывают, что персонажи диалога, в отличие от концептуальных персонажей, не обладают статусом равноправия: симпатичный персонаж диалога, представляющий авторскую точку зрения, заведомо преобладает над антипатичными персонажами, которые выражают мнение оппонентов философа и служат лишь объектами критики. Антипатичным персонажам диалога отводится роль заднего плана, хора, обязанность которого подпевать солисту – симпатичному персонажу диалога, выступающему в качестве солиста.

Ещё одной особенностью концептуальных персонажей является диалогизм: персонаж может выразить себя только во взаимодействии с другими персонажами. Они взаимодополняют и взаимоограничивают друг друга, и диалог помогает выявить то intersубъективное пространство, в котором концептуальные персонажи едины. Он же указывает границы intersубъективности, в которых выявляется различие и уникальность концептуальных персонажей, если они демонстрируют различные нюансы одного концепта, который собой воплощают. Симпатичный персонаж диалога склонен к монологу, от совместного поиска истины переходить к нравоучению и назиданию. Не случайно при пересказе философского диспута, в котором участвуют персонажи диалога, речь антипатичных персонажей часто игнорируется, что невозможно для концептуальных персонажей, и это не приводит к искажению авторской точки зрения, которую выражает симпатичный персонаж диалога.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари отличают концептуальные персонажи от эстетических фигур (литературных героев). Это отличие «состоит прежде в следующем: первые – суть потенциальные концепты, а вторые – потенциальные аффекты и перцепты»⁴. Иными словами, если задача концептуального персонажа – выразить некий концепт в бытийственной форме, то задача эстетической фигуры – пробудить в читателе душевное волнение, страсть, в которой мысль может не присутствовать. Ж. Делёз и Ф. Гваттари не исключают возможности взаимоперехода концептуальных персонажей и эстетических фигур друг в друга, но не допускает возможности синтеза искусства и философии, они, по их мнению, идут путём бифуркации, постоянно разветвляющихся дорог. Художественный план композиции и философский план могут проникать друг в друга, так что части одного плана оказываются заняты единицами другого, но «в каждом таком случае план и занимающие единицы выступают как действительно разные, разнородные части»⁵.

На наш взгляд, Ж. Делёз и Ф. Гваттари не учли ещё одной возможности: концептуальный персонаж может вызывать у читателя эмоциональные переживания, эстетические чувства сам по себе, не являясь частью художественного плана, не будучи использованным в качестве эстетической фигуры. Они разграничивают сферы искусства и философии, но эстетика не ограничивается сферой искусства и распространяется на другие сферы. В этом смысле мы можем говорить об эстетике спорта, который не относится к искусству. То же можно сказать и о философии: работы Ф. Ницше и С. Кьеркегора можно прочесть и как философские трактаты, и как литературные произведения.

Концептуальные персонажи не являются и литературным приёмом: символом, аллегорией, олицетворением и т.д., так как они «живут, инсистируют»: персонажи действуют в исторической или возможной действительности, меняясь вместе с ней, иногда да-

³ Там же.

⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – С. 85.

⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – С. 86.

же меня содержание концепта, который они реализуют. Данная особенность даёт бесконечные возможности для интерпретации концептуального персонажа, литературные приёмы лишены таких возможностей: они включены в текст конкретного произведения и трактуются, исходя из него.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари отличают концептуальные персонажи и от психосоциальных типов, здесь, как и в случае с эстетическими фигурами, не происходит их слияния. Концептуальный персонаж не сводится к какой-либо социальной роли, множество которых человек исполняет в обществе: «я» как покупатель, «я» как пассажир, «я» как отец и т.д. Соответственно, он не может быть объяснён социальными причинами, но между концептуальными персонажами и психосоциальными типами, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, «имеет место сопряжение, система постоянных ссылок и опосредований». Это вызвано тем, что концептуальный персонаж связан с исторической действительностью, в рамках которой он возникает и в рамках которой он действует, поэтому черты концептуального персонажа, связывающие его с данной исторической эпохой, можно объяснить через психосоциальный тип. И, наоборот, если психосоциальный тип вырвать из исторических рамок, психологических особенностей индивида, сделать доступным для мыслительного определения, то возможно превращение психосоциального типа в черты концептуального персонажа.

Психосоциальный тип, по Ж. Делёзу, и Ф. Гваттари, действует в социальном поле, где выполняет три действия: формирует собственную территорию, «переживает или сам осуществляет дерриторизацию, а затем ретерриторизируется практически в чём угодно: воспоминании, фетише, грёзе»⁶. Эти три действия носят у психосоциальных типов физический или психологический характер. Концептуальный персонаж также выполняет эти три действия, но они носят принципиально иной характер, так как его действия носят абсолютный характер: «Такова роль концептуальных персонажей – манифестировать территории, абсолютные дерриторизации и ретерриторизации мысли»⁷.

Концептуальные персонажи не сводятся и к психологическим мотивам, тем более невозможно трактовать их поступки как проявление бессознательного, так как персонажи предполагают рациональное действие или явление, и если они выражают собой некое психологическое состояние, то это осмысленное психологическое состояние.

Как и в случае отношений между философией и искусством, Ж. Делёз и Ф. Гваттари не допускают синтеза философии и психологии, философии и социологии. Именно мысль, а не социальные или психологические причины, является сутью концептуального персонажа: «если говорят, что концептуальный персонаж – это Друг, или Судья, или Законодатель, то речь идёт не о каком-то частном, публичном или юридическом его состоянии, но о принадлежащем по праву мысли и только мысли»⁸.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари выделяют следующие черты у концептуальных персонажей:

а) патические.

В качестве примера они приводят Идиота, желающего мыслить самостоятельно, причём способного мутировать и принимать другой смысл: «но здесь же и Безумец, особый тип безумца – мыслитель-каталептик или «мумия», обнаруживающий в мысли невозможность мыслить. Или же вдохновенный маньяк, одержимый бредом, допытывающийся до того, что предшествует мысли...»⁹.

б) реляционные.

Как мы указывали ранее, концептуальный персонаж может до конца раскрыть свой смысл лишь во взаимодействии с другими концептуальными персонажами, диалогизм является его неотъемлемой чертой. Таков, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, «Друг» – «но такой друг, который соотносится со своим другом лишь через любимую вещь, вызывающую между ними соперничество. Это «Невеста», которая даже ценой своей жизни ставляет философа «стать» женщиной и т.д.

в) динамические.

⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетейя, 1988. – С. 88-89.

⁷ Там же. – С. 90.

⁸ Там же. – С. 91.

⁹ Там же. – С. 92.

Концептуальный персонаж, подобно спортсмену – серфингисту, «скользит» по новым материям бытия, словно по волнам. Благодаря этому смысл, который выражает данный персонаж, всё время находится в движении, во взаимодействии с другими персонажами, способен к изменению и обретению нового смысла, который, в свою очередь, может быть выражен другим концептуальным персонажем. Динамизм мысли выражается через глаголы, обозначающие движение: «продвигаться», «спускаться», «плясать по-ницшевски», «нырять по-мелвилловски», «прыгать по-кьеркегоровски». Эти движения мысли не сводятся друг к другу.

г) юридические.

Уже с пресократиков, считают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, мысль «постоянно требует причитающегося ей по праву и ополчается против Правосудия...»¹⁰. Долгое время философу возбранялось быть Судьёй: он выступал либо в роли учёного доктора, привлечённого к отправлению божьего правосудия или подсудимого. Лейбниц создал новый концептуальный персонаж, сделав из философа «Адвокатом божества, которое отовсюду подвергается опасности»¹¹. Кант, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, наконец, сделал философа Судьёй.

Иногда же мысль «опрокидывает весь порядок – судей, адвокатов, истцов, обвинителей и обвиняемых; так действует Алиса...это играющее дитя, против которого все бессильны»¹², так как в силу своей невинности оно не обязано оправдываться ни в чём.

Или концептуальный персонаж может быть судим изнутри, «чисто имманентным критерия их существования («по ту сторону Добра и Зла – это всё же не значит по ту сторону хорошего и плохого...»)¹³.

д) экзистенциальные.

Философия, по Ф. Ницше, изобретает способы существования или жизненные возможности. Отсюда достаточно житейского анекдота, чтобы составить представление о той или иной философии, так как анекдот показывает не психологический или социальный тип философа, а способ существования, выраженный данным философом, а точнее концептуальным персонажем, «обитающем в теле философа». Таким предстают, по Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, Эмпедокл со своим вулканом, Диоген с бочкой и т.д.

Экзистенциальная черта концептуального персонажа снова возвращает нас к диалогизму, присущему персонажу, так как в житейском анекдоте, где концептуальный персонаж вступает во взаимоотношения с людьми, животными или растениями, он приобретает трагический или комический характер, который невозможно выразить в одиночку. Анекдот показывает концептуальный персонаж в новом, неожиданном ракурсе, высвечивающем его суть глазами Другого.

Назвав черты концептуального персонажа Ж. Делёз и Ф. Гваттари, не дали самого определения, В.П. Визгин и С.Л. Фокин, опираясь на их работы, постарались восполнить этот пробел. В.П. Визгин в статье «Ницше глазами Делёза» даёт следующее определение концептуального персонажа: «Это специфические герои философского мышления, которые философ формирует и ставит между своим «Я» (в какой-то степени совмещающая поставленное с самим собой) и своими текстами»¹⁴.

В предисловии и комментариях к книге Ж. Делёза «Ницше» С.Л. Фокин определяет концептуальный персонаж как движущую силу мысли философа: «концептуальный персонаж не представляет ни философа, ни его философию, напротив, философ есть не что иное, как внешняя оболочка придуманных им концептуальных персонажей, которые, по существу, суть движущие силы его мысли»¹⁵. Главную роль концептуального персонажа С. Фокин видит в том, чтобы лишить философа «Я», разрушить привычку говорить «я», когда речь идёт о чём-то значительном: «Сильнее всего голос философии звучит как раз тогда, когда мыслитель начинает говорить от третьего лица, устами другого: Ницше под именем Заратустры...»¹⁶.

¹⁰ Там же. – С. 94.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 95.

¹³ Там же. – С. 95.

¹⁴ Визгин В.П. Ницше глазами Делёза // Вопросы философии – 1993 – № 4. – С. 47-48.

¹⁵ Делёз Ж. Ницше. СПб: Аксиома, Кольна, 1997. – с. 148.

¹⁶ Там же. – С. 148.

На наш взгляд, определения данные В.П. Визгиным и С.Л. Фокиным, имеют недостаток: выделяя один аспект концептуального персонажа, они оставляют в тени другие, не менее важные аспекты.

Так В.П. Визгин справедливо указывает, что персонаж несёт в себе личностные черты, но упускает из вида, что концептуальный персонаж диалогичен по своей природе, что для выражения концепта, представленного данным персонажем, необходимы другие персонажи. Определение С.Л. Фокина указывает на то, что концептуальный персонаж включает в себе мысль философа, выявляет динамическую черту, но упускает из виду реляционные, экзистенциальные и диалогические черты персонажа.

Чтобы исправить недостатки, присутствующие в определениях В.П. Визгина и С.Л. Фокина, мы предлагаем следующую формулировку: «Концептуальный персонаж – это персонаж, наделённый личностными чертами, который в диалоге или взаимодействии с другими персонажами, выявляет идею, заложенную в него философом, позволяя увидеть её глазами Другого».

В данном определении фраза «...наделённый личностными чертами» указывает на автономность персонажа, на экзистенциальную черту персонажа, погружающую персонаж в историческую действительность.

Фраза «...в диалоге или взаимодействии с другими персонажами» указывает на диалогичность, присущую концептуальным персонажам, на реляционные и динамические черты персонажа, так как взаимодействие предполагает множественность и динамизм процесса.

Фраза «...выявляет идею, мысль, заложенную в него философом», указывает на то, что концептуальный персонаж включает в себе концепт, проявляющийся в действии.

Фраза «...увидеть её (идею) глазами Другого» указывает на то, что философ обезличивается, становится «он» по отношению к персонажам, сторонним наблюдателем, превращая тем самым действия концептуального персонажа в объективный факт, в событие мысли. Таким образом, мы считаем, что предлагаемое нами определение даёт более полное представление о концептуальном персонаже, и далее, говоря о концептуальном персонаже, будем исходить из этого определения.

На наш взгляд, для С. Кьеркегора характерно философствование при помощи концептуальных персонажей, эту идею один из авторов статьи обосновывал в диссертационном исследовании «Диалогическая гносеология С. Кьеркегора»¹⁷, к которой мы и отсылаем читателя, интересующегося данной проблематикой. Мы считаем, что подобный способ философствования свойственен и для Л. Шестова, который во многом унаследовал стиль мышления С. Кьеркегора: к нему также применимы слова И. Томсона о С. Кьеркегоре: «Часто кажется, будто С. Кьеркегор вообще не писал различных книг, а лишь на разные лады переписывал одну и ту же»¹⁸, оба экзистенциально подтверждали свои философские взгляды, обращались к литературе как источнику философствования и при аргументации и т.д.

Мы более подробно рассмотрим из общих черт использование концептуальных персонажей в философии Л. Шестова, а точнее, использование С. Кьеркегора в качестве концептуального персонажа.

Евлампиев И.И. комментирует точку зрения Л. Шестова, высказанную им в работе «Киркегард и экзистенциальная философия»¹⁹ о С. Кьеркегоре, следующим образом: «По Шестову, жизненная трагедия Киркегора состояла в том, что поняв эти высшие истины и высказав их, он сам не смог осуществить "движение веры", не смог отвергнуть господство Ничто, хотя страстно желал этого, хотя понимал, что только в этом и состоит подлинная вера. Еще более решительно, чем Киркегор, Шестов призывает нас к тому, чтобы осуществить это "движение веры" и тем самым окончательно лишить Ничто его власти»²⁰, перед нами предстаёт человек, ищущий истину не у публичного профессора, а у частного

¹⁷ Тетенков Н.Б. Диалогическая гносеология С. Кьеркегора: дисс.... канд. филос. наук ПГУ Архангельск 2003 – с. 155.

¹⁸ Thompson I. The lonely labyrinth: Kierkegaard's Pseudonymous Works. Carbondale: Southern Illinois UP, 1967. – p. 231.

¹⁹ Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс – Гнозис, 1992. – с. 304.

²⁰ Евлампиев И.И. С. Кьеркегор и проблема Ничто в русском экзистенциализме // Кьеркегор и современность – 1996 – с. 126.

мыслителя, кто не может сделать решающего шага к вере. Здесь возникает вопрос: а соответствует ли этот образ С. Кьеркегору или перед нами концептуальный персонаж? Изучение последних лет жизни С. Кьеркегора даёт нам основание полагать, что он сделал этот шаг, соответственно, Л. Шестов обращался не реальному человеку, а персонажу. Ж. Делёз и Ф. Гваттари назвали его Идиотом, персонажем, которого Шестов нашёл у Ф. Достоевского: «Сделавшись славянином, идиот остался оригиналом – частным мыслителем»²¹, Идиотом, который жаждет абсурда, творчества, возвращения погибшего, повторения.

Список литературы

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988.
2. Визгин В.П. Ницше глазами Делёза // Вопросы философии – 1993 – № 4. – с. 47-48.
3. Делёз Ж. Ницше. СПб: Аксиома, Кольна, 1997.
4. Тетенков Н.Б. Диалогическая гносеология С. Кьеркегора: дисс.... канд. филос. наук ПГУ Архангельск 2003.
5. Thompson I. The lonely labyrinth: Kierkegaard's Pseudonymous Works. Carbondale: Southern Illinois UP, 1967.
6. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс – Гнозис, 1992.
7. Евлампиев И.И. С. Кьеркегор и проблема Ничто в русском экзистенциализме // Кьеркегор и современность – 1996.

S. KIERKEGAARD AS A CONCEPTUAL FIGURE IN L. SHESTOV'S PHILOSOPHY

V. V. LASHOV¹⁾
N. B. TETENKOV²⁾

¹⁾ *Moscow State University*
e-mail: l_vv@me.com

²⁾ *Pomor State University n.a. M.V. Lomonosov*
e-mail: tenibo@yandex.ru

The definition of “conceptual figure” is given and its basic features are discussed in the article. The authors state that S. Kierkegaard used in his works Conceptual Figures. This device of S. Kierkegaard's philosophy was borrowed by L. Shestov, who had made of S. Kierkegaard the Conceptual Figure as well.

Key words: Kierkegaard, Shestov, Deleuze, concept, conceptual figure, belief, reason.

²¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт современной социологии, СПб., Алетея, 1988. – с. 82.